

Мила Тумаркина

**Ты слишком хороша
для слез**

18+

Мила Тумаркина

Ты слишком хороша для слез

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Тумаркина М.

Ты слишком хороша для слез / М. Тумаркина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Продолжение цикла рассказов под общим названием "Сердечная недостаточность". Рассказы исключительно для взрослых. Даже не 18+, а скорее для тех, кому за 30. Автор пытается ответить на вопрос, можно ли жить без любви.

Содержание

Берег дальний	5
Райское наслаждение	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Берег дальний

Харон* деловито поплевал на тряпку, протер лобовое стекло, открыл дверцу машины, посадил Ее на заднее сиденье, бодро подмигнул, и они поплыли... Ехать предстояло долго, аж в конец города.

Именно там недавно вознесся огромными бетонными крыльями онкологический диспансер, новый, современный, с центром диагностики онкозаболеваний.

Она вжалась в спинку сиденья. Было тепло, но почему-то Ей было зябко в теплой осенней куртке.

Бабье лето подступало к горлу, переливалось последним солнцем на крыльях сверкающих в его бархатных лучах машин, разноцветным карнавалом бушевало в парках и садах. Одаривала роскошью цветения последних астр на газонах.

Буйство этой картины за окном было настолько ярким, что, казалось, не хватит места для самого маленького штришка самой маленькой кисточкой.

Харон покрутил ручку приемника: в машину ворвался низкий голос известной французской певицы, и он с беспокойством посмотрел в зеркало заднего вида, будто извиняясь за страсть, неуместную здесь, в машине. Ей стало жалко Харона. Вчера Ее муж Леня долго договаривался с ним по телефону, просил его, обещал что-то сделать, за кого-то замолвить словцо, посодействовать кому-то, и еще кучу всяческих благ лишь за то, чтобы Харон отвез Ее к тому самому онкологу, который по словам знающих людей «мертвых поднимает» и вообще – последняя инстанция перед Богом.

А началось все очень буднично. В редакции, где Она работала, проводилась профилактическая медицинская проверка. И вот на снимке, на самой обычной пленке, поселилась маленькая мучительная смерть в виде точки и кружка. Ее вызвали в кабинет редактора, долго подбирали слова и, наконец, сказали, что это, видимо, рак, злокачественное новообразование. Хотя еще мы не до конца уверены, нужно сделать биопсию для окончательного диагноза, наговорили множество медицинских терминов, звучащих, как приговор. А в конце добавили, что ничего еще не потеряно, что очень здорово все получилось, что хорошо – обнаружили вовремя, а могло быть значительно хуже, не будь таких проверок, помогающих диагностировать эту гадость на ранней стадии. И хорошо, что есть проверки. Нужно это дело. А Ей остается самое малое: подтвердить диагноз, сделать операцию и провести химиотерапию. И вот потом – все будет хорошо. Главное – не отчаиваться! Она еще молодая, сильная. У нее замечательный муж, прекрасный сын. Ради них надо постараться и быть умницей...

Она всегда была умницей. И в школе, где считалась опорой и надеждой всех учителей. И в ВУЗе, который окончила с красным дипломом. И тогда, когда решила, что именно Леня Котельников для нее подходящая пара. А раз так, то наплевать, что у него роман с Иринкой аж с третьего класса. Она быстро стала близкой подругой Ирины, и та поверяла Ей все до мельчайших подробностей. Она была любимицей всех вожатых в школе, родителей в классе, а Ленькиных в особенности. На домашних вечеринках, когда друзья, потушив свет, танцевали и целовались тайком, именно Она сидела с родителями на кухне, мужественно пила чай, выслушивая их долгие истории, терпеливо расспрашивая о здоровье и делах на работе.

И тогда, в то лето, когда Ленька приехав из стройотряда, неожиданно насмерть разругался с Ириной. Казалось, что этот разрыв навсегда. Она быстро и ненавязчиво оказалась в нужное время в нужном месте. Единственная, сумела его успокоить, уговорила уехать в садовый домик, к родителям, прийти там в себя и потом уже все уладить. Она поможет.

И помогла – была с ним неотлучно. Там все случилось. Неожиданно для Леньки.

Потом Ирина ревела белугой на ее кухне, положив голову на стол, покрытый веселенькой клеенкой в мелких розочках до тех пор, пока Она преувеличенно спокойным и тихим голосом

не сказала, что ждет от Леньки ребенка, и уверена, что Ирина не посмеет оставить малыша без отца. Иришка, зареванная и опухшая, резко ушла, ничего не сказав. Ни слова.

Свадьбы не было: ребята не пришли к ним. Посидели тихо с родителями, как на поминках.

И стали жить дальше. Родители помогли с кооперативом. Она купила мебель. Повесила красивые шторы.

Ленька с головой ушел в работу. У него все стало получаться. Карьера стремительно пошла в гору. А Она занялась домом и семьей, да так, что все сослуживцы мужа завидовали Ленке: вот жена так жена! Повезло!

После обследования, ничего не сказав домашним, Она быстро собралась и уехала к подруге под предлогом помощи в уборке урожая. Там в маленьком холодном домике, в полном одиночестве, три дня рыдала, катаясь по полу от этой страшной беды, свалившейся в Ее распланированную жизнь, как обвал в горах. Она выла и понимала: теперь все будет по-другому: Она не может контролировать процесс. Это несчастье похоронит Ее мечты и планы на дальнейшую жизнь.

Когда Она возвратилась домой, Леня уже все знал: позвонили с работы. Говорил с ней противным тихим голосом, совсем ему не свойственным. Он даже пытался помогать по дому! Это он-то, ни разу не вымывший за собой тарелку за всю их десятилетнюю совместную жизнь. «Дело плохо, – подумала Она, – если уж Леонид начинает жалеть, тогда точно, конец».

Она любила Ленку всегда, как только увидела его в первом классе на торжественной линейке.

Их поставили рядом, в пару. Они держались друг за друга изо всех сил, как за якорь в этом бушующем море неизвестных людей, звуков, событий и слов. Она запомнила этот день на всю жизнь, и страх отпустить его и остаться одной среди чужих и неизвестного, навсегда поселился в Ней. Она тогда и влюбилась в него. Это, если вести отсчет хронологически. Но Ей всегда казалось, что Она любила его раньше. С самого рождения. Вот как родилась, так сразу и полюбила. Правда, без ответа.

Она помнила, как шла за ними – Иринкой и Леонидом по пустырю, кажется классе в пятом. А они не обращали на нее никакого внимания, увлекшись беседой. И Ей казалось, что это смертельно. Что, если вот сейчас, сию минуту Ленчик не оглянется и не позовет, то Она умрет, не сойти ей с этого места.

Чтобы хоть как-то привлечь к себе внимание и оторвать его от разговора с Иринкой, Она ухватилась за турник, сиротливо маячивший на пустыре. Уцепившись за перекладину, испугалась своего отчаянного шага так сильно, что сначала хотела закричать, позвать на помощь. Хотела, чтоб Ее немедленно сняли с этой страшной и высокой перекладины. Но тут же вспомнила, что на Ней не колготки, а чулки на резинках. И если Она позовет Ленчика, то он увидит ее розовые кружевные штанишки.

Этого Она испугалась больше, и рухнула вниз. Жгучая боль пронзила ногу. Она заорала, как сумасшедшая. И вот тут он, наконец, оглянулся. Подбежал, взял на руки.

Всю дорогу ругался. А Она замирала от счастья и победно смотрела на Иринку, обняв Ленчика за шею. Она видела, как он злится, как обидчиво поджимает Иришка губы. Но Ей казалось тогда, что Она победила. Глупая маленькая дурочка! Она и по сей день шла по жизни, обнимая его за шею, но теперь точно знала, что он тащит Ее, как прежде, и мечтает о другой. Всю Ее такую правильную, такую распланированную жизнь мечтает о другой.

Она поняла это после рождения сына Аркаши. Сначала плакала, потом привыкла. Потом стала бояться, что Леонид однажды бросит Ее. Как это? А вот так: в один прекрасный день соберет вещи и уйдет, хлопнув дверью, даже не сказав спасибо. А Она останется одна в пустом доме, без него, без надежды, что он когда-нибудь вернется.

Она старалась быть незаменимой. В доме царил идеальный порядок. Белоснежные рубашки. Брюки, отутюженные так, что, казалось, стрелки на них могут пронзить любое женское сердце. А как Она готовила! Ее блюда были произведением искусства, а не просто едой.

Все женщины на работе Леонида после его дня рождения, когда Она особенно хотела угодить ему и отправляла на работу огромное количество закусок, горячее и торт, по телефону вечером благодарили и просили очередной рецептик Ее нового салата или ростбифа. И хвалили, хвалили, что было сил. Леониду беспрестанно говорили о том, какая Она у него удивительная, замечательная, необыкновенная хозяйка, какая потрясающая женщина, и как ему повезло по жизни – быть рядом с Ней. Но в эти дни, Она отчетливо, как никогда, понимала, что он просачивается, проскальзывает сквозь Ее же накинутую сеть. И чем больше Она угождала ему, тем отчетливее казалось, что он ненавидит Ее...

Дверь в онкологическое отделение была светло-серой. Она немного помедлила перед ней. Харон ободряюще улыбнулся, опять подмигнул, и открыл дверь. «Вот и все, - подумала Она, – как просто. Переплыли на другой берег. И нет возврата...» Холодок прокатился по всему телу и пропал.

В отделении стояла тишина. Даже разговаривали все почему-то шепотом. Из двери вышла женщина, прислонилась к стене и стала медленно оседать, широко открыв в беззвучном плаче рот. К ней никто не подошел, не бросился поднимать, не стал уговаривать. Люди смотрели молча и строго. Женщина встала сама. И только тут ей подали руку и раздвинулись, уступая место на скамье ожидания.

Харон куда-то пропал. Она обрадовалась. Села в общую очередь, тихую и медленную, как воды Стикса. Страх не было. Он бесследно исчез.

Огромный покой воцарялся в Ней. Неслышные тихие воды плавно относили Ее на другой берег. В окна билась жизнь. Но здесь она казалась лишней, быстрой, суетной, состоящей из мелких, ничего не значащих кусочков. Она уплывала от нее в другой мир. Душа за много лет успокаивалась. Ей ничего не было нужно, не было больно. Она даже о Лене думала как о чужом, постороннем человеке. Ей стало безумно жалко и его, и всех тех людей, кто оставался в мире, откуда Она уплывала. «Мучаются, бедные, мучают других... А зачем?» Она не замечала, что плачет. Слезы просто текли по щекам, а Она плыла, и воды смывали с Нее все унижения, сомнения, суету, боль и страхи. Неведомая огромная сила занимала место в душе. Судьба вдруг разжала железную хватку и выпустила Ее из своих беспощадных рук. Измятая, скомканная, истерзанная, Ее душа освобождалась от этого мира и уплывала в другой, милосердный... А невидимые пальцы все расплетали и расплетали узлы, которые Она так старательно связывала в той жизни. Она слышала, отчетливо слышала, как отрываются нити Ее привязанностей, привычек, убеждений, боли. Она становилась тихой, мудрой и бесконечно доброй ко всем на свете. Ей захотелось попросить прощения за свою непутевую бездарную жизнь, несбывшуюся любовь и простить всех... «Господи, спаси, сохрани, дай им все, чего хотят, пожалей их, Господи». Ее губы в первый раз шептали эти слова. А слезы текли и текли по щекам, и воротничок на кофточке стал мокрым. Перед глазами поплыл Ленчик, запутавшийся, замороченный, с грустными глазами и пустым сердцем. Она бросилась к нему, стала развязывать сеть, в которой он бился, пытаясь освободиться от их такой безрадостной жизни. Веревки были прочными, не поддавались. Она начала рвать их зубами, заплакала от бессилья, но тут вдруг сеть соскользнула сама, и рассыпалась на мелкие части. «Мой маленький, мой бедный, – шептала Она, – мой несчастный, ты свободен, живи, радуйся, люби!» Леонид согласно кивнул головой, и на лице его появилась улыбка, которую Она видела в последний раз в десятом классе. Душа встрепенулась, стала легкой. А Ленка медленно, будто в танце, уплывал, освобождаясь, радостный и счастливый. Появилась нерожденная дочь, которую Она так ясно видела в своих мечтах. Аккуратное личико сморщилось, будто ребенок хотел заплакать. «Ш-ш-ш, – прошептала Она, – не

плачь, родная!» Лицо девочки успокоилось. На нем появилось выражение Леонида, когда он бывал доволен.

Ее мысли прервал Харон.

– Надо идти.

Ей очень не хотелось выбираться из очереди и терять обретенное состояние.

– А можно, я еще подожду? – попросила Она.

Харон удивился, но возражать не стал, лишь добавил:

– Я договорился насчет вас. Все в порядке. Так и передайте Леониду Владимировичу.

– Спасибо, – только и успела Она сказать в уходящую спину Харона.

В кабинете на окнах были решетки. Это обстоятельство очень удивило Ее. Врач молодой, но серьезный парень, терпеливо расспрашивал, и очень внимательно рассматривал снимок. Ей стало жалко врача. «Сколько же ему еще предстоит испытаний», – подумала Она, и вдруг погладила его по голове, как своего сына Аркашку. Доктор от неожиданности отшатнулся, но ничего не сказал.

После повторного снимка, Она опять оказалась в очереди. Ей хотелось навсегда замереть, застыть в этом состоянии обретенного великого покоя и силы. Она услышала, будто сквозь толщу воды, как назвали Ее фамилию.

– У вас все отлично, полный порядок, – проговорил молодой врач, – первый снимок не ваш. Ошибка, простите, пожалуйста.

Она ничего не понимала и смотрела на него, не мигая.

– Ошибка, такое бывает, у вас лично все хорошо, нет повода для беспокойства, – уже громче и отчетливее повторил врач.

Она вдруг поняла. Ей захотелось громко закричать и прервать его. И Она бы это сделала, но увидела глаза той женщины, беззвучно плакавшей у стены, увидела в глазах взметнувшуюся дикую надежду. И молчала.

– Вы меня слышите? – переспросил доктор, – ошибка, понимаете, ошибка!

Он широко улыбался.

– Будете жить сто двадцать лет, так и передайте мужу.

Домой Она шла долго, пешком через весь город, останавливаясь и подолгу замирая посреди дороги.

Покоя не было. Душа опять начала болеть нестерпимо. Старое возвращалось. И Берег Дальний уплывал – спокойный, торжественный и долгожданный, превращаясь в маленькую незримую точку...

**Примечание.* Харон – перевозчик душ через реку Стикс в царство мертвых в греческой мифологии. Изображался старцем в рубище, плывущим на лодке, к дальнему берегу.

Райское наслаждение

По телевизору показывали Кению. Шум неестественно голубого океана заглушался криками из соседней комнаты: там дрались два Лизкиных сына. Муж Гена невозмутимо лежал на диване и читал газету. Ничто не могло оторвать его от этого классического занятия.

Африканское племя праздновало свой африканский праздник. Обнаженные люди танцевали под пальмами. «Райское наслаждение», – надрывался и грохотал телевизор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.